

DOI: 10.31696/S086919080032574-8

**ФЕНОМЕН «ИНОСТРАННОГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА»
В ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРАКТИКАХ ЗАПАДНЫХ
И БЛИЖНЕВОСТОЧНЫХ ГОСУДАРСТВ¹**

© 2024

М.А. СУЧКОВ^a^a – МГИМО МИД России, Москва, Россия

ORCID: 0000-0003-3551-7256; suchkov.m@my.mgimo.ru

Резюме: В настоящей работе предпринята попытка выявить концептуальные различия в отношении к феномену «иностранного вмешательства» и в особенностях применения практик такого вмешательства западными и ближневосточными государствами. Анализируя содержательную эволюцию концепта «вмешательства» в практиках западных государств, автор указывает на противоречие в западном подходе: с одной стороны, стремление «встроить» идею о недопустимости вмешательства в «постколониальный поворот», с другой – попытки найти новые способы более мягкого по форме, но фактически неокOLONиального по содержанию управления другими. Таким образом, современная проблематизация темы «вмешательства» на Западе имеет некоторую схожесть с феноменом «ориентализма» (Э. Саид) и даже переплетается с ним. На Ближнем Востоке многие десятилетия военных интервенций и актов политического вмешательства позволили региональным государствам выработать собственный многослойный подход к иностранному вмешательству – как к западному, так и в отношении своих соседей – использовать западное понимание этого феномена в собственных интересах и переработать его в самобытные внешнеполитические практики. В результате для ближневосточных государств «Запад» как коллективная политическая сущность выступает сегодня в двух ипостасях: как Субъект вмешательства во внутренние дела и как Объект, на территории которого (или через который) ближневосточные игроки реализуют свои инициативы, в том числе через собственные акты вмешательства. Действия же в отношении соседей, которые на Западе квалифицируют как «вмешательство», в силу специфики внутренних связей граничащих друг с другом обществ, иного, чем на современном Западе, отношения к понятию государственных границ и более размытой диалектики кооперации и конфронтации видятся рутинной практикой межгосударственного взаимодействия, не «нагруженной» доктринально-идеологической рамкой, как это имеет место в случае западных игроков.

Ключевые слова: вмешательство, постколониальные исследования, ориентализм, межгосударственное противоборство, внешняя политика, Запад, Ближний Восток

Для цитирования: Сучков М.А. Феномен «иностранного вмешательства» в политических практиках западных и ближневосточных государств. *Восток (Oriens)*. 2024. № 6. С. 131–145. DOI: 10.31696/S086919080032574-8

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00723, <https://rscf.ru/project/22-18-00723/>. Автор выражает благодарность И.А. Истомину (МГИМО МИД России) и В.А. Кузнецову (ИВ РАН) за ценные комментарии, рекомендации и помощь в подготовке рукописи.

THE PHENOMENON OF “FOREIGN INTERFERENCE”
IN POLITICAL PRACTICES OF WESTERN AND MIDDLE EASTERN STATES²

© 2024

Maxim A. SUCHKOV^a^a – MGIMO University, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0003-3551-7256; suchkov.m@my.mgimo.ru

Abstract: *The present work seeks to outline conceptual differences in how the notion of “foreign interference” is perceived and implemented in political practices of Western and Middle Eastern states. The analysis of the evolution of the “interference” in Western political practices exposes a controversy: proclamations of such politics as inadmissible in the “postcolonial era” clash against visible intents to find new methods to “manage others” that would be softer in form, but neo-colonial in substance. This allows to conclude that the modern-day framing of “interference” in the West resembles the phenomenon of “Orientalism” (E. Said). In the Middle East, decades of military interventions and political interference have enabled regional states to develop their own multi-layered approach to the concept – both in relation to Western interference and to interference from their neighbors. For Middle Eastern states, the “West” as a collective political entity appears in two guises: as a Subject of interference in their own domestic affairs and as an Object on whose territory (or through which) Middle Eastern players realize their own interests. As for dealing with neighbors, the actions that in the West would be qualified as “interference” are never qualified as such by Middle Eastern actors: this has to do with more subtle connections of neighboring societies, twisted dialectic of cooperation and confrontation, and a different perception of the notion of state borders. They are therefore seen as a routine practice of interstate interaction, not “loaded” with a holistic ideological framework, as is the case with Western players.*

Keywords: foreign interference, post-colonial studies, Orientalism, interstate rivalry, foreign policy, West, Middle East

For citations: Suchkov M.A. The Phenomenon of “Foreign Interference” in Political Practices of Western and Middle Eastern States. *Vostok (Oriens)*. 2024. No. 6. Pp. 131–145. DOI: 10.31696/S086919080032574-8

О постколониальном повороте в международных отношениях стали впервые рассуждать с началом пересмотра западных концепций модернизма. На страницах академических изданий первые дискуссии на тему становления полноценной теории постколониализма разворачивались в 1990-х – середине 2000-х гг. [Аваков, 2000; Mbembe, 2001; Jones, 2006], однако мегатрендом международных исследований тема деколонизации и развития постколониальных исследований стала последние лет десять, преимущественно под влиянием глобальных геополитических, торгово-экономических, ценностно-нормативных и институциональных трансформаций [Sen, 2023].

В международной жизни этот процесс стал катализатором ревизии большого числа практик, считавшихся ранее её «нормой». Попытки всё большего числа государств и народов если не сразу и окончательно, то постепенно и частично высвободиться – ментально,

² The research was funded by the Russian Science Foundation grant № 22-18-00723, <https://rscf.ru/project/22-18-00723/>. The author is grateful to Dr. Igor A. Istomin (MGIMO University) and Vasily A. Kuznetsov (Institute of Oriental Studies, RAS) for their valuable comments, recommendations and the overall help in writing the paper

культурно, экономически, политически — из-под влияния доминирующих западных норм и нарративов подвергают эрозии некоторые основания этого многовекового доминирования в международной системе [Krishna, 2009; Лошкарёв, 2022]. На этом фоне в интеллектуальных кругах и в политической практике актуализируются проблематика «национального суверенитета», намерение его укреплять и защищать от различных форм посягательств, определяемых зонтичным термином «иностранный вмешательство во внутренние дела». Противостояние вмешательству по умолчанию рассматривается необходимым условием сохранения суверенитета, маркирует способность правительств защищать интересы своего народа: величие державы, таким образом, определяется не только умением навязать свою волю другим, но и способностью не дать другим навязать себе их волю.

Подход к «вмешательству» современных западных государств обнаруживает зримое противоречие. С одной стороны, заявления о недопустимости вмешательства во внутренние дела встраиваются в «постколониальный поворот»: акцентируют потребность в уважении суверенитета государств, большей самостоятельности при принятии решений, в духе международной коллегиальности как необходимого условия для перехода к новой, более справедливой и инклюзивной формации международных отношений. С другой — примеры внешнеполитических практик западных государств за последние тридцать лет указывают на их стремление даже на «постколониальном» отрезке мирового развития найти новые способы более мягкого по форме, но фактически неоколониального по содержанию управления другими.

Однако и примеры деятельности государств на Ближнем и Среднем Востоке демонстрируют самобытные формы обозначенного противоречия. При том, что сам регион многие десятилетия является фактически «лабораторией» иностранного вмешательства и (нео) колониальных практик, ключевые региональные державы демонстрируют способность к собственным формам вмешательства как внутри региона, так и за его пределами — при этом в обоих случаях осмысляют эти практики иначе, чем западные игроки. Настоящая работа — попытка выявить концептуальные различия в отношении к феномену «иностранный вмешательства» и в особенностях применении практик такого вмешательства западными и ближневосточными государствами.

«НОВЫЙ ОРИЕНТАЛИЗМ»: ОНТОЛОГИЯ «ВМЕШАТЕЛЬСТВА» В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ ЗАПАДНЫХ ГОСУДАРСТВ

Понятие «вмешательства» в последние годы довольно глубоко и всесторонне изучается в отечественной литературе. Интерес к этой проблематике в русскоязычных и англоязычных публикациях последовательно возрастает с 1990-х гг. и с 2010 г. выходит на пик [Истомин, 2023 (2), с. 126—127] — на фоне сперва событий «арабской весны», затем президентских выборов в США 2016 г. Ведущие государства мира начинают рассматривать иностранный вмешательство во внутренние дела как серьезный вызов безопасности, однако, как и в случае с понятием «терроризм», специалисты так и не пришли к консенсусному определению «вмешательства». Российский исследователь В.И. Бартенев подробно изложил существующие в литературе подходы к определению этого понятия и пришел к выводу, что само «вмешательство» концентрирует в себе различные способы воздействия одного субъекта на другой [Бартенев, 2018]. В настоящей работе автор опирается на сформулированное им в предыдущей работе на эту тему определение вмешательства как «формы многоуровневого межгосударственного противоборства в виде прямого или опосредованного невоенного воздействия на общественно-политические процессы, институты, население или элиту другого государства в собственных политических целях» [Сучков, 2024, с. 12].

Вмешательство как политическая практика применялось государствами – западными и восточными – с древних времен. Впрочем, поскольку понятие «вмешательство» тесным образом связано с понятием «суверенитет» (и его нарушением), среди специалистов также не сложилось единого мнения о том, можно ли говорить о первом до введения в научный оборот второго³.

Сторонники широкой интерпретации феномена «вмешательства» находят в истории многочисленные эпизоды вмешательства: западных государств в дела друг друга, восточных – в западные, а также тактических союзов западных и восточных политий для борьбы с внутренними противниками. Например, заключенный в 215 г. до н. э. союз между македонским царем Филипом V и главным противником Рима, карфагенским военачальником Ганнибалом [Стрелков, 2017], создавал серьезные сложности для римлян и понуждал их к решительным действиям против македонян. Еще более показательным представляется противостояние греков и персов в 490 г. до н. э.: «Персидское вторжение было сравнительно небольшой экспедицией, имевшей целью заставить Эретрию и Афины, являвшиеся, по мнению Дария, мелкими государствами, не вмешиваться в чужие дела и воздержаться от инспирирования восстания среди греческого населения Малой Азии, находившегося в персидском подданстве. Эретрия была разгромлена... Затем наступила очередь Афин, где, как было известно, ультрадемократическая партия намеревалась поддержать персидскую интервенцию, надеясь с ее помощью победить консервативную партию» [Liddel Hart, 2012].

Противники подобного подхода утверждают, что о вмешательстве в близком к современному пониманию этого феномена можно говорить не ранее начала эпохи Великих географических открытий и колониальных войн Нового времени [Vandervort, 2015], когда европейские империи не только активно вмешивались в дела друг друга в Старом Свете, но и использовали «вмешательство» как элемент управления разнородными группами интересов на заморских территориях, активно привлекая для этого негосударственных игроков (наемные армии, Ост-Индские компании и пр.).

В американской историографии первым эпизодом подобного вмешательства считается организованная попытка Франции повлиять на ход президентских выборов в 1796 г. в пользу Т. Джефферсона [Fletcher, 2018]. Собственно, сама поддержка Франции несколькими годами до этого Континентальной армии – ополчения американских колонистов, принимавших активное участие в Войне за независимость США, – тоже может квалифицироваться как форма иностранного вмешательства. Хрестоматийным вмешательством во внутренние дела по праву можно считать и историю укрепления самими американцами своего доминирования в Западном полушарии [Янчук, 1975]. К началу XXI в. там фактически не осталось государств, где Соединенные Штаты прямо (в форме военной интервенции) или опосредованно (через своих «прокси») не стремились бы повлиять на исход выборов, привести к власти лояльного политика или создать действенные рычаги управления политической и экономической системой страны [Gilderhusrt, 2020]. Укрепив таким образом собственное влияние в регионе, Соединенные Штаты стали продвигать обратный подход и позиционировать себя «охранителями» Западного полушария: доктрина Монро стала «ресурсом осуждения вмешательства европейских держав во внутренние дела государств региона» [Истомин, 2023(1)].

В чем-то похожий путь проделало и российское государство. Столкнувшись в 1918 г. с интервенцией (как наиболее острой формой вмешательства) сразу нескольких государств, стремившихся к захвату экономически и геополитически значимых регионов страны, молодое Советское государство уже через год создало собственный, весьма действенный,

³ Понятие «суверенитет» в научный оборот впервые ввел в 1576 г. Жан Боден в своем произведении «Шесть книг о государстве».

инструмент для вмешательства в дела третьих стран – «Коммунистический интернационал» (Коминтерн) – призванный, по замыслу В.И. Ленина, развивать и распространять идеи революционного интернационального социализма [Коминтерн и Восток, 2021].

Инструментализация вмешательства, в том числе для нужд внутренней политики, начинается с развитием информационных и кибертехнологий. Этот процесс, как справедливо отмечают российские исследователи А.А. Чеснаков и Д.А. Пареньков, привел к «умножению политических эффектов экстерриториальности»: большей информационной открытости, упрощению инфраструктурных, логистических и иных экономических коммуникаций. Появление новых видов политической активности в традиционной сфере контроля государств обострило для национальных правительств угрозу потери монополии на принятие решений [Чеснаков, Пареньков, 2024]. Государственные и негосударственные игроки стали с большей результативностью обнаруживать и использовать в своих целях изъяны в избирательной и информационно-технологической системах государств.

Окончание биполярной конфронтации способствовало укреплению убежденности западных элит в собственном морально-идеологическом превосходстве и зафиксировало политико-экономическое и институционально-нормативное доминирование Запада в мире. Моральное превосходство позволяло снять остатки внутренних барьеров на продвижение собственной ценностной повестки фактически любыми, работавшими на достижение цели, методами, большинство из которых были разработаны еще в 1970-х гг. [Sharp, 1973]. Глобальное доминирование помогало преодолевать связанные с характером таких методов международно-правовые ограничения. Вмешательство во внутренние дела в интересах форсированной демократизации стало повсеместной нормой, а для описания самого процесса чаще использовалось слово «вовлечение» (*engagement*) [A National Security Strategy, 1994].

Понимание «вмешательства» стало трансформироваться на Западе по мере учащения эпизодов вовлечения в их собственные внутривнутриполитические процессы тех, кого национальные доктрины определяли в качестве стратегических противников. Обнаруживая снижающуюся конкурентоспособность перед лицом т. н. растущих держав (*emerging powers*), правительства западных государств стали конструировать понятие вмешательства в двух формах. Во-первых, в качестве способа участия «авторитарных государств» в делах государств «демократических» – подобная форма в западной литературе рассматривается как составляющая «гибридной войны» [Сучков, 2024]. Разъяснение масштаба и характера «угрозы» на этом уровне предназначено для внутренней аудитории в качестве явления, в котором западные «демократии» представляются жертвами наступательных действий «автократий». Это, в свою очередь, требует увеличения финансирования «на защиту демократии», мобилизации населения вокруг «правильных» нарративов и ценностей и ужесточение законодательства и контроля за распространением информации и личных данных граждан.

Во-вторых, в качестве одного из ключевых вызовов безопасности и суверенитету государств во всем мире. Целевой аудиторией здесь выступает все международное сообщество. Подобная постановка вопроса требует развития уже под эгидой «западных демократий» межгосударственной координации и обмена данными, гармонизацию законодательной и доктринальной базы по вопросам характера и последствий вмешательства и установления санкционного режима в наказание за такие акции.

В действительности обе интерпретации нацелены на *сохранение в меняющихся условиях собственного влияния в мире через удержание контроля за повесткой по установлению приоритетов в области международной безопасности*. Во время холодной войны таким «приоритетом» для остального мира должно было стать противодействие распространению коммунизма; в 1990-е и начале 2000-х гг. – борьба с международным «исламистским»

терроризмом; с конца 2000-х гг. – в качестве главных угроз продвигаются темы борьбы с изменением климата и противостояния автократиям. Таким образом, идея «иностранный вмешательства» (*foreign interference*) или «злонамеренного иностранного влияния» (*malign foreign influence*) как «нарастающей угрозы либеральным демократиям» культивируется в академических публикациях [Mohan, Wall, 2019; Sorial et al, 2024] и на уровне программных документов ведущих западных государств и объединений, особенно США, Британии, Австралии, Канады, Франции, ЕС и НАТО [National Security, 2022; Foreign Interference: National Security, 2024; Australia's Counter Foreign Interference, 2024; Foreign interference, 2024].

Проблематизация «вмешательства» в таком ключе имеет схожесть с феноменом «ориентализма» (Э. Саид) и в некоторой степени переплетается с ним. Подобно тому, как «ориентализм» акцентирует инаковость, экзотичность и часто использует для этого «образы древней мудрости и тайны», «вмешательство» подчеркивает социально-политическую чужеродность «наступающего» субъекта («государства-изгои», «автократии») и зачастую использует для этого устоявшиеся в сознании культурно-антропологические образы и фобии [Quinn, 2017].

Аналогично тому, как сам «Запад» определяет себя в качестве сильного, прогрессивного и рационального субъекта на фоне «ориентализированного» им же «Востока» [Said, 2003], категория «вмешательства» является для западных государств способом саморепрезентации именно как «демократий» на контрасте с «автократиями».

Наконец, подобно тому как «ориентализм», культивирующий предвзято-высокомерное отношение к восточным обществам и политическим режимам, является колониальной формой отмежевания от того, что кажется не просто иным, но и опасно-регрессивным, «вмешательство», помимо прочего, представляется неоколониальной формой аутотренинга в том, что сами «демократии» так никогда не поступают. Таким образом, в основу рассуждений о «вмешательстве» искусственно закладывается идея о «взаимоисключающей бинарности» Востока и Запада, которая является центральной и для ориенталистской мысли.

«ЛУЧШАЯ ЗАЩИТА – НАПАДЕНИЕ»: ОБРАЗЫ «ВМЕШАТЕЛЬСТВА» НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Изучение восприятия и практик вмешательства на Ближнем Востоке в сравнении или под влиянием западных акторов (государственных и негосударственных) также имеет известный оттенок ориентализма: в этой логике «Запад – первичен», «Восток – реактивен». Тем более что на Ближнем Востоке практики межгосударственного соперничества, определяемые западными исследователями как «вмешательство», не квалифицируются в качестве таковых: более тонкие и плотные внутренние связи граничащих друг с другом обществ, более размытая диалектика кооперации и конфронтации с соседями и иного, чем на Западе (до Нового времени) понимания и отношения к феномену государственных границ [Tanulku, Pekelsma 2024] позволяют руководителям противоборствующих держав рассматривать попытки оказывать влияние на оппонентов как рутинные. Это важная особенность и, возможно, принципиальное отличие восприятия феномена «вмешательства» на Ближнем Востоке от его восприятия и артикуляции в западном дискурсе.

Однако отойти от сравнений с Западом не удастся в силу истории, характера и направленности политических процессов: за последние три десятилетия именно западные государства выступали инициаторами различного рода военных интервенций (две военных кампании в Ираке, вторжение в Ливию, военные операции в Сирии) и актов политического вмешательства (поддержка «арабской весны», попытки повлиять на выборные процессы и

смены режимов) в странах Ближнего Востока. Все эти процессы позволили государствам Ближнего Востока выработать собственный многослойный подход к иностранному вмешательству — как к западному, так и в отношении своих соседей — использовать само западное понимание этого феномена в собственных интересах и переработать его в самобытные внешнеполитические практики.

В этом процессе «Запад» как коллективная политическая сущность выступает сегодня в двух ипостасях: как Субъект вмешательства во внутренние дела ближневосточных государств, и как Объект, на территории которого (или через который) ближневосточные игроки реализуют свои интересы, в том числе через собственные акты вмешательства.

В роли Субъекта западные игроки на уровне конкретных исполнителей — правительства, неправительственных организаций, гуманитарных фондов, отдельных индивидов — могут выступать в качестве противников или союзников правительств тех стран, в которые они вмешиваются. В каждом случае отношение к подобного рода вмешательству со стороны государства-объекта вмешательства может варьироваться от крайне негативного до желаемого (см. схему 1).

Образ «противника», который формируется из эпизодов злонамеренного влияния или вовлечения одного актора в дела другого, самый распространенный. Наиболее частыми актами подобного вмешательства применительно к ближневосточным государствам выступают четыре группы:

- *информационные кампании*, включая распространение дезинформации и публикацию на правительственных сайтах разного рода предупреждений для своих граждан не посещать ту или иную страну [Turkey slams West, 2023];

- *вовлечение в выборы* — прямое (финансирование или политическая поддержка определенных политических фигур и партий) и опосредованное (критические заявления о характере, ходе или результатах выборов в этих странах со стороны руководства или представителей дипломатического корпуса западных стран) [Iran slams, 2017; Turkey Slams US, 2023];

- *санкционные меры* как инструмент прямого давления на правительство через ухудшение условий жизни для населения с тем, чтобы спровоцировать внутреннее «брожение» и рост протестной активности [Iranian Foreign Ministry, 2022];

- *приостановление членства или исключение из международных органов и организаций*. Примерами подобной формы вмешательства можно считать, в частности, вывод Ирана по рекомендации ЕС из Комиссии ООН по положению женщин, «заморозку» членства Сирии в некоторых международных организациях по настоянию США и Британии [Iran: Europe's, 2022].

В целом эти группы, за исключением санкций, коррелируют с западным пониманием вмешательства. Гораздо более сложная механика восприятия образа союзника. Приведённая схема демонстрирует два типа условных союзников. Первый ориентирован на поиск ближневосточными лидерами поддержки у западных стран в борьбе с внешним противником. Второй представляет собой случаи, когда внутривнутриполитические игроки фактически «приглашают» западных игроков вмешаться — прямо или опосредованно — во внутренние дела их государств в целях борьбы с оппонентами (будь то правительство или оппозиционные силы).

Зачастую подобное происходит, когда между противоборствующими государствами нет доверительного канала коммуникации, чтобы довести свои озабоченности в непубличной манере. Ещё чаще — когда «вмешивающееся государство» по каким-то причинам не удаётся остановить собственными силами, и тогда целевой аудиторией подобных заявлений выступают западные страны или международные организации, для которых дискурс «вмешательства» представляется понятным с точки зрения характера самого явления и возможного

Схема 1. «Запад» как Субъект вмешательства в дела ближневосточных стран
(составлено автором).

Chart 1. "West" as a Subject of interference into domestic affairs of Middle Eastern countries
(made by the author).

ответа на него. Примером поиска первого типа союзника по борьбе с вмешательством могут быть некоторые арабские государства, которые «жалуются» западным коллегам на действия Ирана: регулярно с такими публичными заявлениями выступают Бахрейн и Саудовская Аравия [Bahrain complains, 2015; Saudi Arabia urges, 2022]. В этой же категории обвинения Алжира в адрес Марокко в поддержке исламистов и кабилских радикалов, которые привели к разрыву дипломатических отношений между двумя странами в 2021 г. [Кузнецов, Василенко, 2021].

Примерами второго можно назвать стремление египетского президента Абдул-Фаттах Ас-Сиси заручиться у Вашингтона поддержкой своих инициатив по ограничению в Египте деятельности организации «Братья-мусульмане» [Hassanein, 2021] (запрещенная в России террористическая организация); давние попытки турецкого правительства найти союзников своей политики в отношении курдов – как внутри Турции, так и за ее пределами [Turkey, the Kurds, 1999]; наконец, деятельность оппозиционных групп в Ливии и Сирии, которые стремились к смене режимов в этих странах с внешней помощью на волне «арабской весны». В последнем случае происходило смешение образа субъекта вмешательства как «противника» и «союзника». Так, начало массовых гражданских протестов в Сирии в 2011 г., призывы оппозиции к смещению правительства Б. Асада и последующие заявления и действия западных стран с точки зрения сирийского руководства, несомненно, были актом недружественного иностранного вмешательства (образ «Субъект-противник»), в то время как для оппозиционных сил – шансом на смещение многолетнего руководителя САР (образ «Субъект-союзник»). Нужно отметить, что в практике т. н. цветных революций, западные правительства почти никогда «в чистую» не действуют в рамках первой категории, предпочитая «отвечать» на сформированный ими заранее внутренний запрос на иностранное вмешательство в «гуманитарных целях», создавая тем самым видимость легитимности своих действий.

Ещё более обширная деятельность разворачивается, когда «Запад» выступает как Объект вмешательства – в этой плоскости выделяются три образа (см. схему 2).

Схема 2. «Запад» как Объект вмешательства со стороны ближневосточных стран
(составлено автором).

Chart 2. “West” as the Object of interference by Middle Eastern countries
(made by the author).

Первый – западные политические системы, организации и институты выступают «точкой входа» для ближневосточных акторов с целью распространения собственного влияния или принятия нужных/выгодных для себя политических решений, касающихся в основном стратегических вопросов внешней политики, имиджа страны или репутации отдельных политических деятелей. Как правило, это деятельность фондов или НКО, которые финансируются руководством ближневосточных государств, или лоббистские усилия нанятых местных фирм под конкретный набор задач. Пожалуй, больше всего литературы на эту тему посвящено деятельности произраильских структур в Соединенных Штатах [Mearsheimer, Walt, 2008] и в странах Европы [King, 2016]. Однако и арабские правительства в последние годы научились весьма активно действовать на этом поле. В частности, в 2012 г. Катар создал фонд для поддержки предприятий в менее развитых регионах Франции. Эта инициатива спровоцировала скандал, поскольку некоторые французские политики посчитали данный шаг направленным на «пропаганду ортодоксального ислама» и вмешательством во французскую политику [Claudet, 2012]. Другая аравийская монархия – Саудовская Аравия – усилила свою лоббистскую деятельность в США после ухудшения двусторонних отношений из-за убийства осенью 2018 г. американско-саудовского журналиста Джамала Хашогги. В течение двух лет после этого случая, руководство КСА наняло 16 лоббистских, консалтинговых и GR-фирм с целью «скорректировать представление о себе» в политикоформирующих кругах Соединенных Штатах – среди как демократов, так и республиканцев – включая по вопросам преследования диссидентов, соблюдения в стране прав женщин и войны в Йемене [Baram, 2021].

Еще один пример – турецкое правительство, которое использует ресурс диаспоры в Евросоюзе для продвижения выгодных ему сюжетов в европейской политике, в частности, посредством мониторинга деятельности европейских партий на предмет их благосклонности к политике Турции и соответствующего управления умонастроениями электората в отношении этих партий. Диаспоры выступают мощным инструментом вмешательства во внутренние дела [Лошкарёв, 2015], которым активно пользуется турецкое правительство в отношениях с европейцами. По последним оценкам, этот политический ресурс составляет около 40 млн человек: 7 млн этнических турок и еще свыше 30 млн тюркоязычных и других мусульманских сообществ, проживающих в разных странах ЕС, с которыми у курирующих вопросы диаспоры турецких зонтичных организаций, таких как Yurt dışı Türkler ve Akraba

Topluluklar Başkanlığı (YTB), есть контакт. Недавнее исследование этого вопроса шведской неправительственной организацией The Nordic Research and Monitoring Network выявило спектр уязвимостей, которые несет для европейских политиков подобный ресурс в руках правительства Реджепа Тайипа Эрдогана [Bozkurt, 2024].

Второй образ – «Запад» выступает для ближневосточных держав ареной политической борьбы друг с другом. В частности, в 2023 г. французские журналисты выявили «сеть влияния», которая действовала, якобы, от лица руководства ОАЭ и была направлена на дискредитацию в глазах французской общественности и политиков Катара и его связей с религиозно-политической организацией «Братья-мусульмане» [Qarjouli, 2023] (запрещенная в России террористическая организация). Противоборство ОАЭ и Катара имеет место и в США. У профессионалов этой индустрии оно считается одним из самых прибыльных: в период острого дипломатического кризиса в отношениях двух стран в 2017–2020 гг. суммарный объем финансирования американских лоббистских структур подотчетных Дохе и Абу-Даби достиг 100 млн долл. [Pescquet, 2020].

Наиболее иллюстративный случай в этой категории – лоббистские усилия Израиля и лояльных ему еврейских групп против Ирана и его ядерной программы. В июле 2015 г., через три дня после заключения договора СВГД («ядерной сделки») с Ираном, Американо-израильский комитет по общественным связям (AIPAC) – крупнейшая американская общественная организация, целью которой является оказание влияния на проведение произраильского курса во внешней политике США, – заявил о создании лобби-группы, единственной целью которой было бы досрочное прекращение «сделки», что и произошло в период администрации Трампа в начале 2020 г.

Наконец, третий образ «Запада» как Объекта вмешательства со стороны ближневосточных государств – это образ «площадки для решения внутривосточных задач». Наибольшую активность по этой части проявляет Турция [Coşu, 2021]. Вскоре после попытки государственного переворота в этой стране в июне 2016 г. в немецком г. Кёльне прошла сорокатысячная манифестация в поддержку Эрдогана [Erdogan supporters, 2016]. Озабоченность немецких властей по поводу превращения городов с компактным проживанием этнических турок в места политических акций привела к судебному запрету на трансляцию видеобращения президента Эрдогана перед своими сторонниками на этом митинге, что, в свою очередь, вызвало недовольство турецкого руководителя. В целом Германия, Франция и Норвегия стали местами повышенной активности проэрдогановских сил, особенно в период выборов кампаний. Агитация за Партию справедливости и развития (АКР) и против оппонентов Эрдогана вызывает беспокойство местных властей, которые полагают более демократичным предоставление своим гражданам, у которых также есть и турецкие паспорта, равного доступа к информации о деятельности всех турецких партий [Haddad, 2023]. В похожей манере на территории США действует правительство Саудовской Аравии. В феврале 2024 г. расследование аналитической организации Quincy Institute выявило организованные попытки саудовского руководства ограничить влияние диссидентствующих саудовских деятелей на членов Сената США [Freeman, 2024].

Таким образом, государства Ближнего и Среднего Востока не только сами становятся объектами вмешательства со стороны разнородных западных акторов, но и в последние несколько лет овладели умением использовать ресурсы по этой части для решения собственных политических задач. Вместе с тем подобное вмешательство со стороны ближневосточных государств остается ограниченным, в то время как кумулятивный эффект от вмешательства западных государств, учитывая политические последствия такого вмешательства, существенно выше. К тому же, в отличие от западных государств, ближневосточные государства не выступают единым фронтом по значимым для себя вопросам,

а действуют в индивидуальном качестве, что, по сравнению с объединёнными усилиями западных стран, снижает эффективность акций вмешательства. Наконец, указанные акты вмешательства не обрамлены некой целостной доктринально-идеологической рамкой, как это имеет место в случае западных игроков, а исходят из соображений политической целесообразности по отдельно взятым вопросам.

Примечательно, что в документах и программных выступлениях западных лидеров большая часть отсылок к вмешательству со стороны ближневосточных игроков относится к Ирану [Loft, 2023]. Вместе с тем конкретные эпизоды такого вмешательства во внутренние дела собственно западных государств даже на уровне спекуляций единичны и относятся к предполагаемому вмешательству в американские выборы (в тех же эпизодах, в которых обвиняют Россию) [U.S. intelligence, 2024]. Подобные обвинения, однако, не находят подтверждения в политической практике: рассмотренные кейсы вмешательства в дела западных государств со стороны Израиля, Турции и аравийских монархий случаются чаще и более вариативны в части применяемого инструментария. Деятельность же Ирана в том, что может быть квалифицировано как «вмешательство во внутренние дела», направлена прежде всего не на Запад, а на государства ближневосточного региона. Известная озабоченность арабских элит, прежде всего в аравийских монархиях, тем, что Иран «контролирует столицы пяти арабских государств», хоть и представляется гипертрофированной, но отражает широкий диапазон каналов участия Ирана в делах соседей: в Ираке — посредством лояльных политических сил и группировок ополчения; в Ливане — посредством «Хезболлы» (политического и боевого крыла); в Йемене — посредством дружественного движения Ансаралла; в Сирии — посредством союзных Тегерану меньшинств, правящих элит алавитов; в Бахрейне — посредством опоры на шиитское большинство, которое, по разным данным, составляет до 70% населения страны [Bozorgmehr, 2016].

Усилия Тегерана по продвижению своих интересов посредством указанного набора инструментов рассматриваются западными и некоторыми региональными государствами в терминах, принятых в военной науке Британии и США, — как «оборона передового базирования» (*forward defense*) — стратегия противодействия противникам на территории третьих стран. Вовлечение в дела региональных игроков таким образом выступает в трёх качествах: как канал продвижения собственных интересов; как (связанный с этим) механизм управления политическими и иными процессами в государствах, представляющих интерес для Тегерана; как способ создания помех в реализации интересов противников и вариант ведения борьбы с этими противниками на «эскалации нижнего уровня». Последнее особенно важно с учетом того, что возможности Ирана по вмешательству в дела противников непосредственно на их территории ограничены, в то время как отвечать на их акции на своей территории чем-то необходимо.

При этом западный подход к проблеме игнорирует не только собственное отношение этих государства к феномену «вмешательства», о чем было сказано выше, но и исторические обстоятельства, при которых это отношение формировалось [Ansari, 2006]. В частности, когда речь идет о конкурентном взаимодействии между двумя ближневосточными государствами, и «фактор Запада» — в виде намерений одной или обеих сторон к нему апеллировать — отсутствует, специфика такого взаимодействия не рассматривается в категориях «вмешательства», но представляется «нормальной» формой сосуществования, где фазы перемирия сменяются фазами противоборства, а государства делают лишь то, что должны для собственного выживания, укрепления влияния и повышения регионального статуса. Таким образом, даже центральное противостояние двух региональных лидеров — Саудовской Аравии и Ирана — в своей идейной основе ориентировано не на Запад, но на народы региона: обе стороны фактически продвигают зеркальные нарративы, согласно

которым каждый из игроков полагает себя национальным суверенным государством, а оппонента «религиозной сектой», которая пытается ослабить своего противника посредством организованной «пятой колонны» (шиитов и салафитов соответственно). Более того, по заключении при китайском посредничестве соглашения между Ираном и Саудовской Аравией, иранские руководители публично призвали «третьи стороны» впредь «воздержаться от вмешательства» в ирано-саудовские отношения [Iranian minister, 2021]. Все это является еще одним свидетельством восприятия на Ближнем Востоке «вмешательства» как глубоко политизированной категории из западного дискурса, от которой нужно уметь защищаться и которой нужно уметь пользоваться в современной мировой политике.

ВЫВОДЫ

Попытки западных государств представить «вмешательство» крайне опасной и недопустимой формой межгосударственного противоборства ориентированы не столько на защиту собственного суверенитета — западные политические системы демонстрируют достаточную устойчивость перед различными формами иностранного вмешательства — сколько на то, чтобы сохранить контроль за повесткой по установлению приоритетов в области международной безопасности в ситуации снижения собственного влияния в мире. Кроме того, проблематизация «вмешательства» как способа посягательства (незападных) «автократий» на (западные) «демократии» представляется схожей с феноменом «ориентализма», который акцентирует культурную инаковость и социально-политическую чужеродность незападных политий и утверждает через это моральное превосходство политий западных.

Опыт иностранных интервенций и вмешательства привел ближневосточные государства к собственному комплексному осмыслению феномена вмешательства. С одной стороны, некоторые ближневосточные государства сумели встроиться с темой «вмешательства» в западный дискурс и используют его в целях достижения — часто при помощи западных же государств — собственных интересов, включая ослабление региональных противников и внутривнутриполитических оппонентов. Способность же проецировать подобным образом собственное влияние на региональных соседей в качестве «вмешательства» не воспринимается и скорее маркирует значимые в региональном контексте статусно-ролевые атрибуты в виде наличия лидерских амбиций или способности к продвижению «больших идей».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Аваков Р. Колонизация и деколонизация: эволюция развивающегося мира. *Мировая экономика и международные отношения*. 2000. № 9. С. 3–10 [Avakov R. Colonization and De-Colonization: Evolution of Developing Countries. *World Economy and International Relations*. 2000. No. 9. Pp. 3–10 (in Russian)].

Бартенев В.И. Вмешательство во внутренние дела: спор о дефиниции. *Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика*. 2018. Т. 10. № 4. С. 79–108 [Bartenev V.I. Intervention in the Domestic Affairs: Questioning Definitions. *Lomonosov World Politics Journal*. 2018. Vol. 10. No. 4. Pp. 79–108 (in Russian)].

Истомин И.А. Оправдание вмешательства? Роль «доктрины Монро» в легитимации и стигматизации интервенционизма в политике США в XIX — начале XX в. *Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика*. 2023(1). № 3. С. 11–55 [Istomin I.A. Justification for Interference? The Role of the Monroe Doctrine in the Stigmatization and Legitimation of Intervention in the US Foreign Policy in the 19th and Early 20th Centuries. *Lomonosov World Politics Journal*. 2023(1). Vol. 15. No. 3. Pp. 11–55 (in Russian)].

Истомин И.А. Иностранное вмешательство во внутренние дела: проблематизация сущностно неопределимого концепта. *Полис. Политические исследования*. 2023(2). № 2. С. 120–137 [Istomin I.A. Foreign Interference in Internal Affairs: Deconstruction of an Essentially Indeterminate Concept. *Polis. Political Studies*. 2023(2). No. 2. Pp. 120–137 (in Russian)].

Коминтерн и Восток: к 100-летию Коминтерна. Коллективная монография. Отв. ред. Н.Г. Романова, К.В. Орлова. М.: ИВ РАН, 2021 [*Comintern and the East: To the 100th Anniversary of the Comintern*. Collective monograph. Romanova N.G., Orlova K.V (eds.) Moscow: IOS RAS, 2021 (in Russian)].

Кузнецов В.А., Василенко А.И. Магриб – 2021: тупики внутриполитического развития и угрозы региональной подсистеме отношений. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2021. Т. 21. № 4. С. 642–654 [Kuznetsov V.A., Vasilenko A.I. Maghreb 2021: Political Development Impasses and Threats to the Subregional System. *Vestnik RUDN. International Relations*. 2021. Vol. 21. No. 4. Pp. 642–654 (in Russian)].

Лошкарёв И.Д. Роль диаспор в современной мировой политике. *Вестник МГИМО-Университета*. 2015. № 2(41). С. 120–126 [Loshkariyov I.D. The Role of Diasporas in the Current World Politics. *MGIMO Review of International Relations*. 2015. No. 2(41). Pp. 120–126 (in Russian)].

Лошкарёв И.Д. Постколониализм в международных исследованиях: два лика теории. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2022. Т. 22. № 4. С. 659–670 [Loshkariyov I.D. Postcolonialism in International Studies: Two Faces of Theory. *Vestnik RUDN. International Relations*. 2022. Vol. 22. No. 4. Pp. 659–670 (in Russian)].

Стрелков А.В. Македония Древняя. *Большая российская энциклопедия*. 2017 [Strelkov A.V. Ancient Macedonia. *Great Russian Encyclopedia*. 2017 (in Russian)] https://old.bigenc.ru/world_history/text/2165920 (accessed: 19.10.2024).

Сучков М.А. Иностранное вмешательство как форма межгосударственного противоборства: типы и мотивы. *Полис. Политические исследования*. 2024. № 3. С. 8–23 [Suchkov M.A. Foreign Interference as a Form of Interstate Competition: Types and Motives. *Polis. Political Studies*. 2024. No. 3. Pp. 8–23 (in Russian)].

Чеснаков А.А., Пареньков Д.А. Ощетинившиеся акторы. *Россия в глобальной политике*. 2024. Т. 22. № 3. С. 82–102 [Chesnakov A.A., Parenkov D.A. Bristling States in Search of an Antidote to Foreign Interference. *Russia in Global Affairs*. 2024. Vol. 22. No. 3. Pp. 71–86 (in Russian)].

Янчук И.И. *Политика США в Латинской Америке: (1939–1945)*. М.: Наука, 1975 [Yanchuk I. *The US Policy in Latin America (1939–1945)*. Moscow: Nauka, 1975 (in Russian)].

A National Security Strategy of Engagement and Enlargement. The White House. 12.07.1994. <https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/nss/nss1994.pdf> (accessed: 02.05.2024).

Ansari A. *Confronting Iran: The Failure of American Foreign Policy and the Roots of Mistrust*. London: Hurst Publishers, 2006.

Australia's Counter Foreign Interference Strategy. Australia Government. Department of Home Affairs. <https://www.homeaffairs.gov.au/about-us/our-portfolios/national-security/countering-foreign-interference/cfi-strategy> (accessed: 03.06.2024).

Bahrain complains to UN about Iranian 'interference'. *Gulf Times*. 03.10.2015. <https://www.gulf-times.com/story/457323/bahrain-complains-to-un-about-iranian-interference> (accessed: 05.05.2024).

Baram M. How Saudi Arabia Restored Its U.S. Influence Machine After the Khashoggi Murder. *Foreign Policy*. 27.01.2021. <https://foreignpolicy.com/2021/01/27/saudi-arabia-us-influence-machine-lobbying-khashoggi/> (accessed: 04.05.2024).

Bozkurt A. Turkey poised to intensify its interference in the domestic affairs of other countries using the Turkish diaspora. *The Nordic Monitor*. 31.06.2024. <https://nordicmonitor.com/2024/07/turkey-poised-to-intensify-its-interference-in-the-domestic-affairs-of-other-countries-using-diaspora/> (accessed: 31.07.2024).

Bozorgmehri M. Bahrain's Shia community and its social weight in the power structure Lack of Social Justice and Inequality. *Journal of Political Sociology of Islamic World*. 2016. Vol. 4. No. 8. Pp. 43–64.

Claudet S. Qatar Ambassador Says French Investments Just 'Business'. *Al-Monitor*. 08.10.2012. <https://www.al-monitor.com/originals/2012/al-monitor/mohamed-al-kuwari-interview.html> (accessed: 03.07.2024).

Cory J. Turkish Influence and Intelligence Operations in Germany. *The Institute for World Politics*. 06.01.2021. <https://www.iwp.edu/articles/2021/01/06/turkish-influence-and-intelligence-operations-in-germany/> (accessed: 25.06.2024).

Erdogan supporters rally in Germany, denounce failed coup. *Times of Israel*. 01.08.2016. <https://www.timesofisrael.com/erdogan-supporters-rally-in-germany-denounce-failed-coup/> (accessed: 09.05.2024).

Fletcher A. Foreign Election Interference in the Founding Era. *Lawfare*. 25.10.2018. <https://www.lawfaremedia.org/article/foreign-election-interference-founding-era> (accessed: 18.05.2024).

Foreign interference: how Parliament is fighting the threat to EU democracy. *European Parliament*. 04.03.2024. <https://www.europarl.europa.eu/topics/en/article/20240404STO20215/foreign-interference-how-parliament-is-fighting-the-threat-to-eu-democracy> (accessed: 04.05.2024).

Foreign interference: National Security Bill factsheet. May 2024. <https://www.gov.uk/government/publications/national-security-bill-factsheets/foreign-interference-national-security-bill-factsheet> (accessed: 01.06.2024)

Freeman B. Saudi Arabia: Silencing critics and Congress. *Responsible Statecraft*. 08.02.2024. <https://responsibletatecraft.org/us-congress-saudi-arabia/> (accessed: 17.06.2024)

Gilderhurst M. *The Second Century: U.S.–Latin American Relations Since 1889*. Lanham, MD: Rowman & Littlefield Publishers, 2000.

Haddad M. How did Turks living abroad vote in Turkey's run-off election? *Al-Jazeera*. 29.05.2023. <https://www.aljazeera.com/news/2023/5/29/how-did-turks-living-abroad-vote-in-turkeys-run-off-election> (accessed: 01.07.2024).

Hassanein H. The Muslim Brotherhood Sees Cairo's Flirtation with Biden as an Opportunity. *The Washington Institute for Near East Policy*. 27.10.2021. <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/muslim-brotherhood-sees-cairos-flirtation-biden-opportunity> (accessed: 04.06.2024).

Iran: Europe's unilateral action, interference 'unacceptable'. *Xinhua*. 23.12.2022. <https://www.china-dailyhk.com/hk/article/306806> (accessed: 04.04.2024)

Iran slams U.S. "interference" in internal affairs. *XinhuaNet*. 30.12.2017. http://www.xinhuanet.com/english/2017-12/30/c_136862016.htm (accessed: 20.05.2024).

Iranian Foreign Ministry spokesperson slams European Union sanctions. *Islamic Republic of Iran, Ministry of Foreign Affairs*. 18.10.2022. <https://en.mfa.gov.ir/portal/newsview/696790/Iranian-Foreign-Ministry-spokesperson-slams-European-Union-sanctions> (accessed: 05.06.2024).

Iranian minister warns against third parties' interference in Tehran-Riyadh ties. *XinhuaNet*. 02.02.2021. <https://english.news.cn/20240201/db45ed7d142f46fdb67179b093a957c/c.html> (accessed: 27.04.2024).

Jones B.G. *Decolonizing International Relations*. Lanham, MD: Rowman & Littlefield Publishers, 2006.

King E. *The Pro-Israel Lobby in Europe: The Politics of Religion and Christian Zionism in the European Union*. London: I.B. Tauris, 2016.

Krishna S. *Globalization and Postcolonialism: Hegemony and Resistance in the 21st century*. Lanham, MD: Rowman and Littlefield, 2009.

Loft Ph. *Iran's Influence in the Middle East*. Commons Library Research Briefing, 14 April 2023.

Liddel Hart B.H. *Strategy: The Indirect Approach*. Washington: Pentagon Press, 2012.

Mearsheimer J., Walt S. *The Israel Lobby and U.S. Foreign Policy*. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2008.

Mbembe A. *On the Postcolony*. Berkeley: University of California Press, 2001.

Mohan V., Wall A. Foreign Electoral Interference: Past, Present, and Future. *Georgetown Journal of International Affairs*. 2019. Vol. 20. Pp. 110–119.

National Security Strategy. 12.10.2022. <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (accessed: 08.02.2024).

- Pecquet J. Washington lobbyists continue to cash in on dispute between Qatar and UAE. *Middle East Eye*. 16.09.2020. <https://www.middleeasteye.net/news/qatar-uae-continue-lobbying-washington> (accessed: 13.05.2024).
- Quinn R. *An Analysis of Edward Said's Orientalism*. London: Routledge, 2017.
- Qarjouli A. Data leak exposes UAE interference in France to push anti-Qatar campaign. *Doha News*. 02.04.2023. <https://dohanews.co/data-leak-exposes-uae-interference-in-france-to-push-anti-qatar-campaign/> (accessed: 03.07.2024).
- Said E. *Orientalism*. London: Penguin Classics, 2003.
- Saudi Arabia urges Iran not to interfere in domestic affairs. *Anadolu Agency*. 21.10.2022. <https://www.aa.com.tr/en/middle-east/saudi-arabia-urges-iran-not-to-interfere-in-domestic-affairs/2691132> (accessed: 27.04.2024).
- Sen S. Decolonising to reimagine International Relations: An introduction. *Review of International Studies*. 2023. Vol. 49. No. 3. Pp. 339–345.
- Sharp G. *The Politics of Nonviolent Action*. New York: Sargent Publisher, 1973.
- Sorial S., Morris S., Greste P. Foreign Interference and the Incremental Chilling of Free Speech. *Federal Law Review*. 2024. Vol. 52. No. 1. Pp. 103–127.
- Tanulku B., Pekelsma S. *Physical and Symbolic Borders and Boundaries and How They Unfold in Space*. London: Routledge, 2024.
- Turkey, the Kurds and the European Union: A vicious triangle. *Strategic Comments*. 1999. No. 5(1). Pp. 1–2.
- Turkey slams West for security warnings 'harming' tourism. *AP News*. 02.02.2023. <https://apnews.com/article/politics-turkey-government-business-covid-f65e2e223e96d0c91f6ecb478dd69714> (accessed: 16.05.2024).
- Turkey Slams US for Meddling in Elections. *Tasnim News Agency*. 11.05.2023. <https://www.tasnimnews.com/en/news/2023/05/11/2893254/turkey-slams-us-for-meddling-in-elections> (accessed: 17.03.2024).
- U.S. intelligence official: Russia and Iran likely seeking to influence election outcome. *NBC News*. 30.07.2024. <https://www.nbcnews.com/tech/security/russia-will-likely-use-propaganda-support-trump-harris-us-intelligence-rcna164136> (accessed: 30.07.2024).
- Vandervort B. *Wars of Imperial Conquest*. London: Routledge, 2015.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

СУЧКОВ Максим Александрович – кандидат
политических наук, доцент, директор
Института международных исследований
(ИМИ) МГИМО МИД России, Москва, РФ.

Maxim A. SUCHKOV, PhD (Politics),
Associate Professor, Director of the Institute
for International Studies, MGIMO University,
Moscow, Russia.